

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

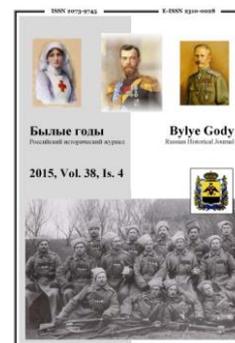
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 842-848, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.6)''1783''

Accessions of the Crimean Khanate (1783): Influence on Prospects and Problems of Folding of the Russian North Caucasus

Boris V. Vinogradov

Armavir State Pedagogical Academy, Russian Federation
Rosa Luxemburg street, 159, Armavir city, Krasnodar Krai, 352901
Dr. (History), Professor
E-mail: vinogradov.b@mail.ru

Abstract

The article explores the long-term and ambiguously estimated by historiographies the consequences of accession to Russia of the Crimean khanate in the context of prospects and problems of folding of the Russian North Caucasus. Peculiar features of the Russian citizenship of a number of the mountain people in the conditions of obvious strengthening of Russia in the Caucasus, dynamics of the corresponding views and actions of the Kabardian nobility in the conditions of removal Crimean and weakening of the Turkish threat of Kabarde are analyzed. Nuances of integration in structure of Russia of the Right bank of Kuban in the context of imperial migration policy and features of an ethnopolitical and confessional situation in the North Caucasus are exposed to research. It is proved that accession of the Crimea and Prikubanya opened for the Russian authorities, both new opportunities, and new problems which permission demanded both considerable time, and elaboration of new approaches to interaction with mountaineers.

Keywords: geopolitical fight for the Caucasus, an ethnopolitical situation, the osmano-russian wars, a stadial level of development, traditional values, the Russian North Caucasus

Введение

Исследование характера и особенностей российско-горского взаимодействия в широком хронологическом диапазоне остается в настоящее время проблематикой дискуссионной, причем на уровне как научном, так и публицистическом, более, пожалуй, воздействующем на общественное сознание. В оценивании российско-северокавказских взаимоотношений в немалой мере проявлялись и проявляются важные черты развития отечественной историографии – дореволюционной, советской и постсоветской, особенно по части осмысления путей и методов складывания российского многонационального государства, что, в свою очередь, выводило и выводит на осмысление его исторического бытия. Многофакторная и неоднозначная по своим обусловленности и проявлениям, деятельность России на Кавказе включала в себя несколько специфических периодов, предопределенных обстоятельствами и внешнеполитического, и внутрирегионального свойства.

В научном кавказоведении широко известно, что вторая половина XVIII в. ознаменовалась усилением России на Северном Кавказе, да и в целом, в рамках продолжительной геополитической борьбы за Кавказ с Османской империей и Ираном. Данные констатации были связаны с однозначным успехом в осmano-российской войне 1768–1774 гг. и с фактором присоединения к Российской империи большей части Крымского ханства в 1783 г. Эти взаимосвязанные события предопределили положение России в качестве сильнейшей, доминирующей стороны в противоборстве с восточными державами, несмотря на стабильно сложный для нее «европейский внешнеполитический контекст» [1, с. 65–99]. Проблематика присоединения к России Крымского ханства и последствия этого для Северного Кавказа находили отражение в зарубежной историографии. Так, известный английский историк Алан Фишер в работе «The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783» (2008) [2] вполне справедливо утверждал об ослаблении позиций Османской империи на Северном Кавказе в связи с потерей Портой Крымского ханства и о значении

присоединения последнего к России для формирования и развития российского многонационального государства имперского типа. Вместе с тем для «англоязычной» историографии (в том числе – американской) характерна и долговременная тенденция представлять те или иные конкретные мотивированные шаги России по расширению своей территории и их совокупность в качестве перманентной экспансии на «римско-монгольский манер» [3].

Материалы и методы

Предлагаемая статья строится на основе анализа документальных материалов из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) и опубликованных источников. К последним необходимо, прежде всего, отнести материалы Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК). Кроме того, критически осмысливались положения и выводы ряда научных работ разных лет, посвященных разнообразным аспектам деятельности России на Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье, нюансам российско-горских взаимоотношений в исследуемый период. В качестве основополагающих в методологическом плане использовались принципы историзма и объективности. Комплексно применялись историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы как основные среди специально-исторических. При анализе характера и особенностей российско-горского взаимодействия критическому осмыслению подвергались возможности и «узкие места» унитарно-стадиальных и плюрално-циклических концепций исторического развития. Это определяется традиционной применимостью в советском кавказоведении (да и в ряде современных исследований) понятийно-терминологических конструкций марксистской формационной теории, которая разрабатывалась большей частью на основе осмысления европейского социально-экономического опыта, и, как представляется, не в состоянии адекватно отобразить особенности социокультурного опыта позднесредневековых горских сообществ в имевшей место динамике и в связи с характером и событиями российско-горского взаимодействия. Вместе с тем, при анализе исследуемой проблематики не представляется возможным сколь-нибудь широкое использование и понятийно-терминологического аппарата плюрално-циклических концепций, так как «цивилизационная теория» в настоящее время не является достаточно апробированной и ее использование применительно к исследованию кавказских реалий бывает отмечено немалыми элементами эклектики и даже умозрительности. Данные констатации обнажают объективные превратности того исторического плюрализма, который возобладал в отечественной науке в постсоветское время.

Обсуждение

В конце XVIII в., во многом, вследствие усиления России в рамках противоборства в регионе с Османской империей и Ираном, происходило расширение российской политической ориентации горских «владельцев» и этносоциальных сообществ, что находило отражение в подданнических присягах, реальное «наполнение» которых, правда, отражало и специфику местных социокультурных традиций, и различное понимание их сути субъектами взаимодействия [4]. Здесь следует отметить, что само «подданство» горских народов по отношению к России еще со времен Ивана Грозного значительно отличалось от того «подданнического стандарта», который существовал внутри российского государства. Сложившиеся в России «вертикальные» соотношения между властью и обществом не могли быть апробированы применительно к отношениям с горскими этносоциальными сообществами хотя бы уже и потому, что горские подданные находились вне российских административных границ, на территории региона, который являлся объектом борьбы между Османской империей, Ираном и Россией. Политические устроения горцев, принимавших присяги на российское подданство, определялись, как правило, конкретной региональной обстановкой, необходимостью защиты от притязаний восточных держав или же собственными их «усобицами», имевшими практически постоянный характер. К тому же, наличие усобиц как постоянного фактора местных реалий предполагало наличие в горской среде не только пророссийской, но и протурецкой, а для Северо-Восточного Кавказа – и проиранской «партий», при наличии ситуационной изменчивости внешнеполитической ориентации. В этом довольно запутанном контексте распространение среди горских подданных каких-либо «российских порядков» было уже невозможным. Кроме того, при всей условности понятия «подданство» применительно к статусу горцев в отношении к России, первые весьма нередко нарушали условия соответствующих присяг, особенно – по части набегов в российские же пределы. Обозначенные особенности российско-горского взаимодействия продолжали существовать в качестве фактора и в условиях явного усиления России на Кавказе в конце XVIII в.

В данной связи представляется, что государственно-правовые устои феодально-абсолютистской России не могли беспрепятственно сосуществовать с достаточно конфликтной по имперским меркам (но единственно возможной в местном понимании) горской традиционностью, «знаковые» черты которой отнюдь не всегда соотносились только с проявлениями феодализации позднесредневековых горских сообществ, степень которой, кстати, была весьма неодинакова у различных этнических групп, но, как представляется, достаточно устойчиво преувеличивается в целом ряде кавказоведческих исследований [5].

Если использовать терминологический арсенал унитарно-стадиальных концепций исторического развития, имела место стадийная неравнозначность субъектов российско-горского взаимодействия, несмотря на долговременную взаимную историческую мотивированность к сближению в процессе формирования российского Северного Кавказа. Вместе с тем, если применять «выкладки» цивилизационной теории (в рамках плюрально-циклических концепций исторического развития), становится не вполне ясным, по каким критериям те или иные горские этносоциальные сообщества можно именовать «цивилизациями» при условии, заметим, различных трактовок смысла самого этого понятия. Ведь в последнее время можно встретить и выделение «кавказской цивилизации», и «цивилизации Кабарды» [6], и утверждение о «цивилизационной несовместимости» Северного Кавказа и России [7].

На перспективу (причем максимально приближенную) складывается ситуация, в которой овладение Россией Крымом и Правобережьем Кубани обусловило не только ряд выгод, таких как, например, возможности для широкой казачье-крестьянской колонизации Степного Предкавказья, но и ряд специфических ранее не существовавших проблем во взаимоотношениях с теми же горскими народами. Так, на протяжении целого ряда десятилетий пророссийская ориентация значительной части кабардинцев (при наличии, заметим, и протурецкой «партии») определялась в преобладающей степени потребностью в российской защите от постоянных крымско-турецких притязаний. Ситуация начала меняться уже в контексте условий Белградского мирного договора 1739 г. с Османской империей, 6-я статья которого провозглашала нейтральный статус Кабарды по отношению к России и Турции [8]. Уже тогда наметилась тенденция к снижению мотивированности кабардинской знати к российской «протекции» при стремлении к собственному доминированию на Центральном Кавказе в новых региональных реалиях, обусловленных, заметим, достижениями российской политики. Снятие собственно крымской угрозы (вехами которого являлись и «нейтрализация» Крымского ханства по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., и, собственно, ликвидация ханства в 1783 г.) и заметное ослабление Османской империи определили существенную динамику политических умонастроений кабардинской знати, фактически игнорирующей фактор российского подданства Кабарды, закрепленный на международном уровне в 1774 г., или же дающей ему интерпретации, неприемлемые для российских интересов в регионе. Даже наиболее лояльные по отношению к российским властям и имперской социокультурной традиции представители кабардинской знати, такие как Измаил Атажукин, в начале XIX в. позиционировали Кабарду в качестве «доброго соседа и союзника» России. Сам Измаил Атажукин – блестящий российский офицер и кабардинский князь одновременно – выдвигал такие проекты стабилизации обстановки в регионе, которые были категорически неприемлемы для российских интересов, но вполне соответствовали чаяниям «союзнической» (опять-таки, в собственном ее понимании), но никак не подданнической, кабардинской знати [9]. На фоне ослабления внешней угрозы Кабарде иной смысл и перспективы приобрело завершение ее исламизации. Заметим здесь, что принимаемые кабардинцами при Иване IV присяги на подданство России осуществлялись в условиях, когда адыги мусульманами не являлись, исповедуя традиционные политеистические верования с некоторыми «вкраплениями» христианства и ислама. В то же время проповеди ислама в достаточно настойчивой форме исходили от Крымского ханства и Османской империи в качестве одного из механизмов формирования соответствующей внешнеполитической ориентации. Наличие у адыгов прокрымской «партии» впоследствии во многом объяснялось нюансами процесса исламизации знати, наличием династических связей с крымскими социальными верхами. Вместе с тем отметим, что шедший на протяжении XVII–XVIII вв. у адыгов как таковой процесс исламизации не являлся существенным препятствием для политических контактов с Россией и принятия подданнических присяг. Недаром имевшие место со стороны Османской империи призывы к горцам подняться на борьбу с «неверными» долгое время не находили практически никакого отклика. Однако в конце XVIII в. новые обстоятельства ситуацию изменили. Отсутствие в регионе лояльного по отношению к России мусульманского духовенства (кадры которого готовились, как правило, в османских владениях, что предопределяло соответствующие «политические воззрения»...) в совокупности с фактическим нежеланием иметь над собой любую российскую власть обусловили в конце XVIII в. начало в Кабарде «шариатского движения» [10]. Его можно рассматривать в качестве того исламского «модернизационного» проекта, который призван был, с одной стороны, консолидировать кабардинскую знать, а с другой – предельно ограничить российские «модернизационные» возможности в регионе. В данном контексте вскоре обозначится и перспектива использования Турции в качестве потенциального союзника против нежелательного для кабардинских князей усиления России на Северном Кавказе. Первый пример подобного свойства имел место еще на заключительном этапе османо-российской войны 1768 – 1774 гг., когда ряд кабардинских владетелей в составе крымско-турецкого войска приняли деятельное участие в нападении на российские коммуникации по Тереку [11]. Наиболее рельефно, уже в условиях международного признания российского суверенитета над Кабардой, это проявится в событиях османо-российской войны 1806–1812 гг., когда кабардинская знать вступит в непосредственный контакт с турками и замыслит весьма конкретные антироссийские военные акции на Кавказской линии. Естественно, это вызовет «силовую реакцию» русских региональных военных

властей [12], [13], [14]. В данной связи большое количество безответных, думается, вопросов вызывает именование этих военно-политических перипетий «кабардино-русской войной 1810–1812 гг.» [15].

Непросто складывались и обстоятельства освоения российским государством бывшей кубанской части Крымского ханства. Кубанские ногайцы, часть из которых до того проявляла приверженность к России (в условиях, заметим, «калейдоскопичных» политических процессов в независимом от Турции с 1774 г. Крымском ханстве...) для обеспечения российских военно-стратегических интересов на Северо-Западном Кавказе не являлись приемлемым контингентом, что обусловило их переселение. Осуществленное А.В. Суворовым в конце июня 1783 г. приведение кубанских ногайцев к присяге на подданство России не могло прекратить распри между ордами и участие в набегах [16]. Следует признать, что для обеспечения на Северо-Западном Кавказе российских интересов и элементарной безопасности на вновь обретенной границе необходим был в качестве «засельников» Прикубанья лояльный и максимально предсказуемый этносоциальный контингент. И сразу было понятно, что крестьяне, как государственные, так и «частновладельческие» (то есть крепостные) для выполнения этих задач не подходили, хотя бы уже вследствие регулярных региональных «неспокойствий» и вполне прогнозируемых внешнеполитических обстоятельств. Данный фактор, по крайней мере, до середины 1790-х гг. (а сугубо в хозяйственном отношении – намного дольше...) предопределил недостаточную освоенность Россией Прикубанья. Переселение же на Кубань в 1792–1794 гг. Черноморского и части донского казачества, хоть и призвано было решить стоявшие перед Россией задачи, существенно изменило традиционную этнополитическую ситуацию в регионе. Достаточно известно, что османские власти стремились использовать территорию Левобережья Кубани («Закубанья», если пользоваться географическими определениями того времени), формально подвластного Порте по условиям фактического раздела Крымского ханства в 1783 г. в качестве плацдарма в грядущих войнах с Россией. Для этого, в частности, целенаправленно возвращались и поддерживались антироссийские настроения среди западных адыгов. Происходивший в их среде процесс исламизации и традиционные ценности по части набегового промысла создавали для этого благоприятные условия. Переход в 1787 г. на «турецкий берег» Кубани шейха Мансура, открыто действовавший против России с 1785 г. под исламскими лозунгами (заметим, впервые в практике российско-северокавказских взаимоотношений) на Северо-Восточном и Центральном Кавказе, дополнительно стимулировал соответствующие умонастроения и действия западных адыгов в условиях османо-русской войны 1787–1791 гг. Сама эта война, как известно, была предопределена стремлением турецких властей (в немалой степени, «с подачи» европейской дипломатии) вернуть себе Крым, и вообще, добиться самой масштабной ревизии тех реалий, которые сложились в связи с договорами 1774 и 1783 годов. Здесь необходимо отметить, что в ходе этой, однозначно успешной для России, войны ген. И.В. Гудович, тогдашний командующий на Кавказской Линии, рассматривал вариант присоединения Левобережья Кубани (благо, военные реалии давали к тому формальные основания...) и даже приводил западных адыгов к присягам на российское подданство. Однако еще до заключения с Турцией Ясского трактата, в сентябре 1791 г. И.В. Гудович получил ордер от Г.А. Потемкина, где предписывалось освободить «закубанцев» от подданства, признавая их независимость [17]. Явная демографическая и хозяйственно-коммуникационная слабость российского Прикубанья видится здесь одним из резонов для подобного решения. Последовавшие вскоре «высочайшие инициативы», призванные заинтересовать западных адыгов в лояльности России хозяйственными выгодами [18] были не в состоянии остановить мощную инерцию горской традиционности. К тому же Ясский мирный договор, заключенный в декабре 1791 г. и в целом, применительно к кавказским реалиям, повторявший трактаты 1774 и 1783 гг., признавал зависимость «закубанцев» от Порты. А та в сколь-нибудь пророссийских настроениях западных адыгов заинтересована, естественно, не была.

В данном широком контексте российские (прежде всего казачьи, но и, затем, крестьянские) поселения и коммуникации были долговременными притягательными объектами для систематических набеговых предприятий «закубанцев». Заметим, вместе с тем, что в случае нормализации российско-османских взаимоотношений, как то было с 1799 по 1805 гг., анапские паши как представители турецкой администрации не имели практически никакого влияния на западных адыгов в деле прекращения нападений в российские пределы и возвращения «уворованного» [19].

Так или иначе, складывались новые реалии межэтнического и социально-политического взаимодействия в рамках пограничного сосуществования «догосударственного мира» западных адыгов (не станем здесь брать в расчет попытки некоторых современных кавказоведов найти у них феодальную раздробленность или даже сословно-представительные монархии, равно как и фактор присутствия османской администрации на черноморском побережье) и российской государственной структуры. Отметим, что ранее существовавшее «контактное взаиморасположение» западных адыгов и кубанских ногайцев не предполагало масштабный выход за рамки традиционных представлений и действий тех и других. Даже если учесть относительно недавние от рассматриваемого времени жизненные привычки Черноморских казаков (бывших запорожцев), достаточно сопоставимые с некоторыми горскими традиционными ценностями, то все равно следует помнить, что именно в конце XVIII в. активно происходил процесс подчинения казачества российской государственной

власти. А это оставляло все меньше возможностей для проявления некогда существовавшей казачьей «вольницы».

Конечно, взаимодействие российского населения Прикубанья с западными адыгами в конце XVIII – начале XIX в. знало и многочисленные мирные, позитивные примеры. Причем стремление к взаимовыгодному партнерству могло, как инициироваться российскими властями, так и исходить собственно от представителей населения Прикубанья и формально турецкого Закубанья. Однако совокупность обстановки на Северо-Западном Кавказе вряд ли оставляла шансы на ее стабилизацию на взаимоприемлемых для сторон взаимодействия условиях.

Заключение

Как бы то ни было, усиление России на Кавказе в конце XVIII в., обусловленное во многом фактором присоединения Крыма и Прикубанья, открыло для российских властей, как новые возможности, так и новые, вероятно, неожиданные, проблемы, разрешение которых требовало и немало времени, и выработки новых подходов к взаимодействию с горцами в контексте неоднозначного и многомерного процесса складывания российского Северного Кавказа. В начале XIX в. стала складываться ситуация, когда прежний вариант «подданства» горских этносоциальных сообществ уже не соответствовал стратегическим интересам Российской империи на Кавказе, при том условии, что собственно российские границы все более продвигались на Южный Кавказ (Закавказье), что было связано сначала с присоединением Грузии (1801), а затем – с успехами в войнах с Османской империей (1806–1812) и Ираном (1804–1813). Если раньше фактической границей России на Кавказе была Кавказская линия, и подданство горцев в немалой мере носило «внешний» характер, теперь «горские подданные», по большей части избавленные от ранее существовавших угроз со стороны восточных держав, оказались в тылу российских владений при условии сохранения всех своих традиционных ценностей, в том числе в отношении к своему российскому подданству. Существовавшая на протяжении многих десятилетий в условиях противоборства за Кавказ между Россией, Турцией и Ираном система взаимоотношений российского государства с горцами стала заходить в тупик, фактически исчерпав свои возможности. Складывались причинности и общие контуры Северокавказского кризиса XIX века, того явления, которое по историографической традиции часто именуется Кавказской войной, при наличии ряда вопросов к этому терминологическому определению.

Таким образом, явный успех России в 1783 г. предопределил целую цепочку взаимозависимых обстоятельств, как собственно в российско-горских взаимоотношениях, так и во внешнеполитической сфере.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования и науки Краснодарского края в рамках проекта № 15-11-23001 а(р) «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.)»

Примечания

1. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. С. 65–99.
2. Fisher A. W. The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783 // Cambridge University Press on behalf of School of Oriental and African Studies. Vol. 34, №. 1 (2008). P. 155–182.
3. Le Donne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. NY: Oxford University Press, 2004. P. 1–9.
4. Гапуров Ш.А. Северокавказские горцы, Россия, Османская империя и Иран: некоторые вопросы взаимоотношений в XVI–XVIII вв. // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998. С. 116.
5. См., например: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-фа, 1994; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп: Меоты, 2002; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социалтно-экономического и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: АПП «Джангар», 2002 и др.
6. Хатко С.Х. Цивилизация Кабарды. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.
7. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-фа, 1994. С. 420.
8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 433.
9. Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2009. С. 93 – 97.

10. Туганов Р.У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799–1807 гг. // Живая старина, журнал по проблемам краеведения КБ АССР. 1991. №1. С.8 – 19.
11. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. С. 99.
12. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1869. Т. II. ч.2. С. 954.
13. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 851.
14. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. С. 323–325.
15. Жемухов С.Н. Кабардино-русская война 1810–1812 гг. Нальчик: Скалар, 2000.
16. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Книга, 2003. С. 34.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 23. Кавказские дела. Опись 1. Дело 37. Лист 4.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 23. Кавказские дела. Опись 1. Дело 37. Лист 4, 4 об., 5.
19. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Фонд 250. Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска. Опись 1. Дело 7. Лист 3 – 3 об., 4.

References:

1. Vinogradov B.V. The specifics of the Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816. Slavyansk-on-Kuban: CI state pedagogical University, 2005. P. 65 – 99.
2. Fisher A. W. The Russian Annexation of the Crimea, 1772 – 1783 // Cambridge University Press on behalf of School of Oriental and African Studies Vol. 34, №. 1 (2008). P. 155 – 182.
3. Le Donne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650 – 1831. NY: Oxford University Press, 2004. P. 1 – 9.
4. Gapurov S. A. North Caucasian mountaineers, Russia, the Ottoman Empire and Iran: certain questions of mutual relations in XVI – XVIII centuries // the Caucasian war: controversial issues and new approaches. Makhachkala, 1998. P. 110 – 121.
5. See, for example: Kazarov V. H. Traditional social institutions Kabarda and the crisis in the XVIII – first half XIX century. Nalchik: El-FA, 1994; Cirq A. Yu. The development of the socio-political system of the Circassians of the Northwest Caucasus (end of XVIII – the 60-ies of XIX century). Maikop: the Meots, 2002; Akhmadov S. B. Chechnya and Ingushetia, and in the XVIII – early XIX century (Essays sotsialno-economic and socio-political structure of Chechnya and Ingushetia in the XVIII – early XIX century). Elista: app "Jangar", 2002, etc.
6. Hatco S. H. Civilization Kabarda. SPb: Publishing house of St. Petersburg. University press, 2008.
7. Kazarov V. H. Traditional social institutions Kabarda and the crisis in the XVIII – first half XIX century. Nalchik: El-FA, 1994. P. 420.
8. The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the late eighteenth century. Moscow: Nauka, 1988. P. 433.
9. Vinogradov B. V. Integrative projects and dezintegriruetsja factors in the Russian-North Caucasian relations of the late XVIII – early XIX century. Slavyansk-on-Kuban: CI state pedagogical University, 2009. P. 93–97.
10. Tuganov R. W. Sharia movement in Kabarda against tsarism in 1799 – 1807 // Living antiquity, the journal of local history KB ASSR. 1991. No. 1. P. 8 – 19.
11. Vinogradov B. V. The specifics of the Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816. Slavyansk-on-Kuban: CI state pedagogical University, 2005. P. 99.
12. Acts of the Caucasian archaeographic Commission. Tiflis, 1869. T. II. part 2. P. 954.
13. Acts of the Caucasian archaeographic Commission. Tiflis, 1870. T. IV. P. 851.
14. Vinogradov B. V. The specifics of the Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816, Slavyansk-on-Kuban: CI state pedagogical University, 2005. P. 323 – 325.
15. Zhemukhov S. N. Kabardian-Russian war 1810 – 1812. Nalchik: Scalar, 2000.
16. Matveev O.V., Rogachev V. N., Rakachev D. N. Ethnic migration in the Kuban region: history and modernity. Krasnodar: Book, 2003. P. 34.
17. Russian state archive of ancient acts (RGADA). The Fund 23. Caucasian Affairs. Inventory 1. Case 37. Sheet 4.
18. Russian state archive of ancient acts (RGADA). The Fund 23. Caucasian Affairs. Inventory 1. Case 37. Sheet 4, 4 vol., 5.
19. State archive of the Krasnodar region (SAKR). Fund 250. Army office of the black sea Cossack army. Inventory 1. Case 7. Sheet 3 – 3 vol., 4.

УДК 94(470.6)''1783''

Присоединения Крымского ханства (1783 г.): влияние на перспективы и проблемы складывания российского Северного Кавказа

Борис Витальевич Виноградов

Армавирская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
352901, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: vinogradov.b@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы некоторые долговременные и неоднозначно оцениваемые в историографии последствия присоединения к России Крымского ханства в контексте перспектив и проблем складывания российского Северного Кавказа. Проанализированы характерные особенности российского подданства ряда горских народов в условиях очевидного усиления России на Кавказе, динамика соответствующих взглядов и действий кабардинской знати в условиях снятия Крымской и ослабления турецкой угрозы Кабарде. Подвергаются исследованию нюансы интеграции в состав России Правобережья Кубани в контексте имперской политики и особенностей этнополитической и конфессиональной ситуации на Северном Кавказе. Доказано, что присоединение Крыма и Прикубанья обусловило для российских властей как новые возможности, так и новые проблемы, разрешение которых требовало и значительного времени, и выработки новых подходов к взаимодействию с горцами.

Ключевые слова: геополитическая борьба за Кавказ, этнополитическая ситуация, османороссийские войны, стадийный уровень развития, традиционные ценности, российский Северный Кавказ.